

АРХАИЧЕСКОЕ ПРАВО БРАТЬЕВ **(Из лекций по этносоциальной истории)**

Понятие «самобытность» довольно часто прилагают ко всему, что связано с Африкой, к ее культуре, истории, традиционным социальным структурам. Но это понятие определяет только одну сторону действительного положения вещей — факт длительной изоляции от остального мира народов Африки, расселенных южнее Сахары. Более того, если слово «самобытность» звучит в связи с архаичностью многих черт жизни африканского населения, то оно как бы прикрывает собой недавний тезис «теоретиков» колониализма о «расовой неполноценности африканцев». Реальность не только сложнее и не исчерпывается «самобытностью», но и характеризуется совершенно в другом плане. Прежде всего, Сахара не была абсолютным препятствием в контактах обитателей Средиземноморья и саванн Судана, с глубокой древности ее пересекали торговые пути. Но эти пути всегда были похожи на ствол пальмы — корни находились на средиземноморских берегах, а веер листьев быстро «гас» на грани саванны и тропического леса не только потому, что дальше не мог идти вьючный скот, а из-за природно-климатической невозможности существования постоянных направлений значительных торговых путей. Это само по себе ограничивало обмен материальными и иными ценностями.

Характерным примером природно-климатического барьера может служить тот факт, что южная граница распространения плужного земледелия совпадает с южной границей Сахары. Южнее — область мотыжной обработки почв. Причина тому — очень тонкий слой гумуса, лежащий на тяжелых латеритовых глинах. Такая почва требует «нежной» ручной обработки набором разнообразных мотыг. Похожая картина и в зоне дождевых тропических лесов. Без сеяных трав скотоводство обречено оставаться отгонным в саванне, а в лесах оно невозможно из-за отсутствия травы. Железо известно в Тропической Африке давно, — возможно, что здесь оно появилось не позже, чем в Европе, — но в африканских природно-клима-

тических условиях использование железа не могло привести к тем сдвигам в хозяйстве, которые воспоследовали в Европе. Природа Тропической Африки исключительно агрессивна по отношению к деятельности человека. Длительные влажные и сухие периоды года заставляют вести хозяйство особым образом, строго ограничивать размеры непосредственно используемых посевных и пастбищных площадей. Выход за эти, выработанные традицией, ограничения грозит эрозией гумусного слоя как во влажный сезон, так и в сухой. Отвесная солнечная радиация делает бесполезными искусственные органические удобрения и заставляет надолго оставлять использованные участки для естественного возобновления их плодородия, что в доколониальное время делалось в строгом соответствии с выработанной в данном месте традицией переложных перемещений. Даже сельскохозяйственные культуры привились такие, которые быстро дают обильную листву, защищающую почву от высыхания, чтобы под их сенью высадить и посеять другую, имеющую более нежные ростки.

Труд на африканских землях и в земледелии, и в пастушестве требовал строгой периодической смены коллективных работ индивидуальными, работ взрослых — работами для подростков. В силу всех этих кратко изложенных обстоятельств и социальные структуры африканских народов, т.е. те общественные институты, которые организуют всю жизнедеятельность людей, обладали необходимыми особенностями и сохраняли в своих конкретных системах достаточно много нужных для их функционирования архаических элементов и черт, которые нельзя называть «пережитками». Иными словами, «архаика» в жизни африканцев свидетельствовала не об отсталости и неспособности к развитию, а о столетиях напряженной и сложной борьбы за выживаемость в природной среде тропической Африки.

По этой причине нельзя распределить народы и культуры Африки по содержанию архаики в некую «лестницу», ведущую во все более и более удаляющуюся «первобытность», ибо там нет остановившихся на разных этапах развития человечества народов, т.е. нельзя смотреть на Африку как на «музей» первобытной истории. Ценность архаических элементов в жизни народов Африки заключается в том, что с их помощью и при очень осторожном подходе в совокупности можно реконструировать действительно архаические социальные явления, в полной и действующей форме уже не сохранившиеся нигде. Но при всей распространенности в Африке — это только фрагменты, хотя и еще недавно действовавшие. Трудностей в подобных реконструкциях все же довольно много и, прежде всего, вследствие почти полного отсутствия письменных материалов на местных языках и несовершенства этнографических описаний, сделанных в большинстве своем в колониальное время и структурно соответствовавших теоретическим установкам их авторов.

Тем не менее из зафиксированного можно отметить почти повсеместное распространение возрастной категории молодых неженатых воинов и так называемых «классификационных» родственных терминологий, т.е. таких, где каждый термин обозначает не индивида, а группу людей, члены которой далеко не всегда — близкие родственники по крови.

Что же касается письменных источников на местных языках, то, если не считать Эфиопию с ее обширной письменной традицией, они есть только у нескольких народов на границе сахарского Сахеля и Западного Судана и у суахильцев восточного берега Африки. Хроники хаусанских городов, записанные старохаусанским письмом на основе арабской графики и мандингский эпос в этнографических записях латинской транскрипцией малоценны для означенной реконструкции вследствие искажений под влиянием Ислама. Хроники городов суахильского берега мусульманскому влиянию подверглись очень слабо (мусульманские имена персонажей) и полностью сохранили местную традицию социальных и родственных отношений, что и определило их исключительную научную ценность. Ценность их в смысле привычной событийно-политической истории незначительна из-за того, что они, по сути дела — всего лишь генеалогические списки. Вследствие этого они не были достойно оценены исследователями и переводчиками их на европейские языки, а ценность для этносоциальной истории не понята потому, что комментировались они, исходя из привычных европейцам норм индивидуального кровного родства, что приводило к необходимости примысливать внутрдинастийную борьбу за власть, дворцовые перевороты и тому подобное. Следует заметить, что подобная ситуация характерна и для комментирования близких по содержанию этнографических записей. Но суахильские хроники имели оригинальный текст либо на языке суахили в старосуахильской письменности в арабской графике, либо записанный по-арабски.

Анализ этих материалов, исходя из норм суахильской классификационной (групповой) терминологии родства, поставил все на свои места и исключил необходимость что-либо примысливать. Открылась стройная картина права наследования высокого социального титула, но нормы наследования оказались непривычными для европейских представлений: наследование шло не от отца к сыну, а от «брата» к следующему младшему «брату» в пределах трех человек, а далее к триаде их физических потомков, но не по рождению, а по старшинству (в узкой династийной группе это были, по нашим понятиям, либо родные, либо двоюродные братья, но термин один). Более того, право на занятие высокого социального поста в средневековом суахильском обществе ставилось в зависимость от брака наследника со своей «сестрой». Фрагменты и следы аналогичных явлений встречаются в этнографических описаниях по всей Африке, а в рукописи конца XVI-го века, составленной на древнеэфиопском языке монахом Бах-

реем о галла-оромо, сохранилось достаточно полное описание более ранней общественной структуры, к которой восходит суахилийская норма наследования высокого социального титула. «История галла» Бахрея на одном «полусе» и суахилийские хроники на другом, вместе с некоторыми фрагментами этнографических записей, дали возможность реконструировать, в принципе, глубоко архаическую систему социальной организации, основанной на возрастном делении доклассового коллектива, и процесс его изменения в переходном обществе. Это позволило уверенно комментировать материал при чтении лекций по истории доколониальной Африки (собственно — лекции по этносоциальной истории, поскольку событийных материалов почти нет), также как и переводы текста при языковых занятиях.

Для того чтобы не создавалось впечатления обо всех этих явлениях как о специфике архаической истории африканцев, приходилось собирать следы аналогичных явлений и вне Африки — в античной мифологии и эпике, в средневековых европейских легендах и героических песнях, в ранних генеалогиях и фольклоре. Таким путем можно было показать, что до какого-то времени африканские народы развивались теми же этапами, как и европейские (или наоборот — европейцы в своей истории не миновали явлений, обнаруженных в истории Африки). Наиболее интересные, на мой взгляд, из таких комментариев в моих лекциях я либо прочитал как доклады, либо опубликовал в виде статей в сборниках «Африкана» Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР. Некоторая часть их оставалась в рукописях. По совету моих коллег-африканистов Ленинграда и покойного основателя нашей африканистики Д.А. Ольдерогге я расположил рукописи приблизительно в том порядке, в котором происходило изменение исследованного этносоциального явления (сами рукописи составлялись по мере необходимости в том или ином комментарии), как дополнение к опубликованному. В силу того, что использованные источники широко известны или были адресованы в изданных моих статьях, я считал возможным не увеличивать объем настоящей рукописи ссылками на них.